

Он, выстрел этот, прозвучал два с лишним века назад и получил такой резонанс, что 1774 год — год, когда поднялся роман 25-летнего Гете, — вошел в историю литературы как «год Вертера». Молодые люди облачались в типичное вертеровское одеяние: синий фрак и желтые панталоны, а веймарский «Журнал роскоши и мод» обнародовал в качестве образца для подражания белое, с розовой отделкой платье, названное, по имени героини романа, платьем Лотты.

Но вот вопрос: почему вдруг мы заговорили сегодня об этом почтенном, но — признаемся — малочитаемом творении немецкого классика? Ни когдой даты вроде бы (в нынешнем году, правда, исполняется 160 лет со дня смерти Гете), ни особой актуальности произведения для наших дней. Все политикой поглощены, у всех ваучеры на уме, книжные лотки заполнены эротическими сочинениями, а тут — история несчастной любви...

Но может, думаю я, именно эта история и актуальна нынче — на фоне-то нескончаемых политических баталий, проблем приватизации и тотального наступления на нашего бедного читателя Анжелики да Эмманюэлей?

Поговорим же о Вертере. Поговорим о Лотте — о Лотте из книги и Лотте реальной («Это имя, — обронил престарелый Гете, — сохранится за ней и в романе»); поговорим, наконец, о Гете, который, как известно, был не только поэтом, но еще и министром, тайным советником — деловым, словом, человеком, как сказали бы мы теперь.

Итак, ему было двадцать пять, когда опубликовал «Страдания

юного Вертера», а с прототипом героини, Шарлоттой Буфф, познакомился двумя годами раньше.

Это случилось в маленьком немецком городке Вецлар, куда Гете, начинающий адвокат, прибыл для прохождения судебной практики. Было лето, местная молодежь устроила загородный бал, и здесь-то будущий автор «Фауста» танцевал впервые с прелестной Шарлоттой, которая это занятие любила страстно. Впоследствии Гете устами своего героя расскажет, «как тянулся душой к выразительным губам, к свежим, цветущим щекам, как, проникаясь смыслом ее речей... порою не слышал самих слов».

Но вот беда: Лотта была помолвлена. И Лотта в романе — здесь ее жениха звали Альбертом, и Лотта реальная, Шарлотта Буфф официальная невеста секретаря ганноверского посольства Иоганна Христиана Кестнера.

До наших дней дошло письмо этого человека, написанное по горячим следам: садолго до гетевского романа, благодаря которому вецларская история трех молодых людей стала достоянием всего мира. Вот как характеризует Кестнер своего соперника: «Он обладает тем, что называют гением, имеет к тому же весьма живое воображение. Склонен к резким эффектам. Образ мысли благороден. Человек с характером...».

Отдадим должное скромному посольскому чиновнику: он называется гением 23-летнего адвоката, имя которого мало кому известно и который еще даже не решил поэтом быть ему или художником. Прозорливость, которая сделала бы честь профессиональному ценителю изящных искусств! «Его отличали, — вспоминал впоследствии Гете, — ровные и спокойные повадки, ясность взглядов, определенность действий и речей».

И это о человеке, которому та, кого он боготворил, отдавала предпочтение!

Что ж, министр Гете, как видим, умел быть объективным. Но это министр, сердце же поэта разрывалось от ревности. «Сколько бы я ни говорил и ни повторял себе, какой он честный и добрый, — ничего не могу с собой поделаться. — меня от него с души воротит; я не в силах быть справедливым».

А еще он не в силах дня прожить, чтобы не видеть возлюбленную. Если же день такой случался, посылал к ней под благовидным предлогом слугу, «чтобы иметь возле себя человека, побывавшего близ нее».

Слуга возвращался, и Гете, чьи минералогические познания были весьма обширны, сравнивал его с так называемым бононским камнем, который «если положить его на солнце, вспи-

тывает в себя солнечные лучи, а потом некоторое время светится в темноте».

Солнцем, само собой, была Лотта. «Оттого, что ее глаза останабливались на его лице, баках, на пуговицах дивре, на воротнике плаща, — все это стало для меня такой святыней, такой ценностью!».

Это слуга-то стал святыней, который лишь долю минуты лицезрел божественную Лотту — что же тогда говорит о ней самой!

А Лотта? Отвечала ли взаимностью Лотта?

Отвечала... «Она впервые до глубины души почувствовала, если не осознала вполне, что самое ее заветное, затаенное желание — сохранить его для себя». Ради этого готова была даже — любовь изобретательная — женить его на одной из своих подруг, но любовь ведь не только изобретательна, она еще и ревнива: когда красавица стала мысленно перебирать подружек, то «в каждой видела какой-нибудь недостаток».

Водила, короче говоря, себя за нос, но это себя, а чуткого поэта не больно-то обманешь. «Да, я чувствую, — исповедует тот устами опять-таки Вертера, — я чувствую, что она, — могу ли я, смею ли выразить райское блаженство этих слов? — что она любит меня... Любит меня!»

Но — совсем как у Пушкина! — Но я другому отдана; Я буду век ему верна...

Что оставалось Гете? Поэт уезжает, а вот герой его на разлуку не способен. «Что нам мир без любви! То же, что волшебный фонарь без света». Бедняга стрелется, и выстрел этот — выстрел Вертера — потрясает Европу...

Тут давайте сделаем отступление. Тут давайте вернемся к нашей действительности, где, увы, тоже звучат выстрелы, но отнюдь не от любви.

Какая уж, вижу я усмешку, любовь в наше время! Эротика — пожалуйста, секс-шоу и секс-магазины — сколько душе (если тут уместно слово «душа») угодно, но любовь, да еще любовь в «старомодном», пушкинско-гетевском значении слова — до самоотречения, до готовности умереть, — это, извините, не про нас.

Но может, думаю я, потому и звучат выстрелы? И не одиночные, как в романе о страданиях юного Вертера, а целая канонада, мощные орудийные раскаты... Мужчинам не до любви — мужчины воюют. Воюют, делают карьеру, наживают капитал... Поэты — и те перешли на публицистические статьи или заделались ораторами. Хотя неизвестно, где больше требуется мужества — в любви к женщине или на политических ристалищах.

Гете — тот на политическом

ристалище преуспел, но знаете ли вы, что за всю свою долгую жизнь он всего раз перечитал роман о Вертере, самое прославленное свое детище? «Сплошные вспышки пламени, — признавался он. — Мне страшно это читать».

Пламень этот так, кажется, и не угас. Во всяком случае, через 52 года после расставания с Шарлоттой Буфф «угольки» большой страсти еще тлеют. Это его собственные слова, их записал Эккерман, секретарь и летописец последних гетевских лет. Каков же тогда был костер, коли жар от него не утих и спустя полвека!

Я думаю, «угольки» тлеют и в нашей с вами жизни — тлеют под худой будничных забот, под муравьиной возней чиновников всех мастей, этих современных Кестнеров, под дымящимися полями политических битв, которые отшумят и забудутся, а огонь любви вечен.

Гете знал это. Покидая Вецлар, он, отвергнутый, написал счастливому сопернику письмо, в котором были пророческие слова: «Наш господь Бог, должно быть, человек с холодным сердцем, раз оставляет Вам Лотту, — Поэт смирялся — а что ему оставалось делать! — но честно предупреждал: — Если я умру и там наверху хоть что-то будет от меня зависеть, я отниму ее у Вас».

«Наверху» от него, как выяснилось, зависело многое. Ныне Шарлотта Кестнер, урожденная Буфф, принадлежит создателю «Вертера» безраздельно, а если кто и вспоминает секретаря ганноверского посольства, то лишь потому, что тот поделился своим именем с подружкой Гете.

Руслан КИРЕЕВ.

ВЫСТРЕЛ ВЕРТЕРА